

Врачебные [секреты]

Галина Романова

ВРАЧЕБНАЯ
ТАЙНА

ЭКСМО

Москва

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 69

Оформление серии *Даниила Малкина*

Романова Г. В.

Р 69 **Врачебная тайна : роман / Галина Романова.** — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Врачебные секреты).

ISBN 978-5-699-64432-2

Еще совсем недавно Зоя Свиридова была счастлива и довольна своей жизнью, а теперь в одночасье оказалась в глубочайшей депрессии. А все из-за мужа-альфонса, бросившего девушку несколько месяцев назад, отобравшего у нее половину состояния и любимого приемного сына. У нее осталась только одна поддержка — сестра Света. Она всеми силами пытается вернуть Зою к нормальной жизни, удается ей это с огромным трудом. Но все-таки Светлана не смогла спасти сестру. Придя однажды к Зое домой, она обнаружила ту уже мертвой. Казалось бы, обычное самоубийство — поводов было предостаточно, но вот петля на веревке доказывает обратное... Все следы ведут в поликлинику, где когда-то обследовали приемного сына Зои...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Романова Г.В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64432-2

ШАВА 1

Ботинки чавкали по мокрому, раскисающему, еще не долетая до земли, снегу. Противный резкий ветер охлаждал щеки, лез за воротник и доставал до лопаток. Волосы были мокрыми от снежных хлопьев. Кисти рук сводило от холода. Можно было накинуть капюшон, подтянуть шарф, застегнуть повыше воротник куртки, спрятать руки в карманы, но он этого не делал. Он просто шел, почти не замечая, насколько продрог и устал. Куда он шел, он не знал точно. Шел вперед, не сворачивая. Натыкался на чьи-то локти, портфели, сумки, слышал гневные возгласы в свой адрес, иногда оскорбления, но и на это не обращал внимания. Распахивались двери магазинов, выпуская наружу потоки ароматного душного воздуха, обильно сдобренного кофейными и ванильными отдушками. Спешили люди, обвешанные пакетами с покупками. Из дверей кафе выпорхнула стайка подростков с горячими пирожками в руках. Запахло сдобой и пряностями. Он на мгновение притормозил, глянул на огромные светящиеся окна.

Там, внутри, в рамках светящихся оконных проемов, как в больших красивых телевизорах, будто шло немое кино. Кино про чужое человеческое счастье, которого его лишили. Там было много нарядных красивых людей с детьми и без. Они сидели за нарядными столиками, на которые в преддверии новогодних праздников уже успели наставить еловых лап и свечей, обернутых яркими шуршащими лентами, и, чинно распахнув меню, ожидали прихода официантов. Кто-то улыбался, кто-то жевал, кто-то пил кофе из белых чашек. Кто-то гладил детишек по головам и целовал жену в щеку. Молодая пара, сидевшая ближе всех к выходу, в самом ярком оконном проеме, не заретушированном тонкой ажурной занавеской, держала друг друга за руки. Потом он выпустил ее левую руку и полез своей правой себе за пазуху. Парень достал какой-то предмет. С того места, где он сейчас стоял, корчась от порывов ледяного ветра и не только, не было видно, что это за предмет. Но, судя по реакции девушки и по тому, как она принялась рассматривать свою ладонь, выставив ее щитом вперед, это было кольцо.

Видимо, он стал случайным свидетелем помолвки, догадался он. И его чуть не стошнило от горестного комка, замкнувшего горло.

Сейчас эти двое клянутся друг другу в любви и верности! Любви и верности до гроба! Вечной любви и вечной верности! А у него...

У него этого не будет уже никогда! Потому что в вечность он уже не верил. Нет ничего вечного, нет! Ничего, кроме смерти! Она, проклятая, венчает все человеческое, она алчно пожирает и любовь, и верность, и счастье. Она, мерзкая, не оставляет ничего, кроме праха и кратенького промежутка времени, отведенного памяти. Но это время быстро проходит. Никто, кроме него, наверное, не догадывается, насколько оно быстротечно, это время, и насколько вероломна память, стирающая день за днем прошлые счастливые годы, дни, эпизоды, моменты.

Человек еще пытается барахтаться, пытается дергать нервы, чтобы не забыть, чтобы все еще чувствовать так же свежо и остро. Ему больно, страшно, но он сопротивляется. А потом вдруг приходит усталость и осознание, что все это без толку! Что ничего уже не вернуть! Что вся эта мысленная раскадровка с каждым днем становится все менее четкой и не так уже беребит.

И... все забывается...

А он не хотел, чтобы забывалось!!! Не хотел!!! И он не допустит!!!

Как? Как сделать, чтобы память не халтурила? А ее просто надо стимулировать новой болью, вот! Просто надо снова мучить ее страданиями.

Пусть будет так. И так будет.

Минуты три он еще стоял и смотрел на счастливых молодых людей. Парень целовал кон-

чки пальцев девушки, она счастливо улыбалась. И что-то шептала и шептала ему, склонившись к самому уху. Потом им принесли заказ, и каждый склонился над своей тарелкой.

Так и будет у них потом, позлорадствовал он. И он, и она со временем ничего не станут замечать дальше своего носа. Ничего и никого! Как вот его теперь не замечают. А и ничего! Ему это даже на руку. Он любую роль освоить способен. И роль маленького незаметного человека сейчас как никогда кстати!..

ЧАБА 2

Света подъехала к дому сестры и со вздохом подняла голову к ее окнам. Они не светились. Ясно! Сестрица либо ушла из дома бродить по улицам, разбавляя тоску желанием насмерть простудиться. Либо лежит, скорчившись клубком, на диване и плачет.

Света вылезла из машины, открыла багажник, выволокла наружу два огромных пакета с продуктами. Подержала их в руках, в нерешительности озираясь, слякоть под ногами была жуткая. Оттащила пакеты к скамейкам метрах в трех. Заперла машину и тогда уже, забрав пакеты, пошла к Зойкиному подъезду.

Если честно, ноги ее туда не несли. Предстояло выдержать еще один безрадостный вечер с рыдающей от горя сестрой. Предстояло

готовить — а она терпеть не могла этим заниматься, — потом кормить сестрицу с ложечки, потом укладывать ту в постель, уговаривать, как малую, следом мыть кухню. И только потом уже, выполнив этот рутинный круг обязанностей, ставший уже обязательным за последние три месяца, ей можно было отправляться восвояси. Сестрица накормлена, спать уложена, в холодильнике полки ломаются от жратвы, столы и посуда вымыты.

Черт!!! Ей-то вот это все за что?!

Она не выбирала себе в мужа мерзкого Федьку! И даже не советовала Зойке его выбирать. Мало этого, она ее всячески отговаривала от этого замужества.

— Он альфонс! — орала Света на сестру и размахивала у той перед носом руками. — Сейчас, когда мы получили наследство, ты ему нужна. Как только он все это промотает с твоей помощью, то и слиняет!

— Чушь! — гневалась Зойка, мерцая в ее сторону черными глазищами, и аристократически бледные щеки ее взрывались румянцем. — Федя, он... Он такой...

— Говнюк твой Федя! Все, что ему надо, это вскарабкаться повыше. Ты — очередная ступень на его пути к успеху!

Сестрица ничего не желала слушать. Она влюбилась, как глупая корова. Слепо влюбилась и поволокла своего возлюбленного в ЗАГС уже через пару месяцев после знакомства. Тот,

к слову, не сильно-то и сопротивлялся. Позволял Зойке делать с собой все, что та пожелает.

Приодеть? Да, пожалуйста!

Прописать? Ну, если это необходимо.

Свести с нужными людьми? Как Зайка пожелает, как пожелает.

Машину ему новую? Ой, да не просит он... но и отказать не может любимой в такой мелочи. Для нее ведь это сущие мелочи.

Папаша-то девушек, упокой, господи, его грешную душу, всю жизнь не желавший никакого с ними общения, вдруг на старости лет вспылал родительскими чувствами. И совершенно неожиданно оставил все свое состояние, нажитое за границей не совсем, может, праведным путем, своим девчонкам. Бывшую жену, кстати, тоже не забыл. Хотя та давно была уже замужем за другим человеком.

Одним словом, Федька ничего нагло не просил у Зойки. Он мягко между постелью и поцелуями намекал ей. Та кидалась, как ненормальная, тут же исполнять. И даже дом затеяла строить за городом — громадный, из темного коричневого кирпича под черной черепичной крышей с бассейном и оранжереей.

— Сумасшедшая!!! — вопила Светлана и пальцем крутила у виска. — Ты не понимаешь, что ли, что это простое выкачивание из тебя средств!

— Как это? — улыбалась Зойка глупой счастливой улыбкой.

— А так! Задумай он с тобой развестись, домик-то пополам! На наследство он вякнуть не посмеет, а домик пополам поделится. А с учетом того, что вы уже успели совместно купить на твои деньги немало, — делала особый нажим на этом Светлана, поскольку Федька ничем серьезно не занимался, кроме разведения полезных знакомств, — домик-то он может оттяпать и целиком!

Что впоследствии и случилось.

— Ты накаркала, гадина! — рыдала в подушки Зойка и гнала от себя сестру прочь. — Только ты виновата!

Виноватой себя Светлана считала только в одном: в том, что не смогла сберечь сестру от страшной, пагубной страсти к Федьке. А потом и еще от ряда ошибок, результатом которых явилась ее теперешняя депрессия.

Она открыла дверь, включила свет в коридоре, опустила пакеты на пол и громко позвала:

— Зойка! Ау, сестрица, это я! Встречай свою Светланку, дорогая! Ау-уу!!! Я покушать принесла. Отбивные твои любимые в сырной корочке. Просыпаемся, девочка, просыпаемся!

Светлана стащила с ног замшевые ботиночки, нашла свои тапки на обувной полке, повесила пуховую курточку на вешалку, подняла с пола пакеты и пошла сразу в кухню.

В квартире было темно и тихо.

Зойка обычно отвечала ей как-нибудь. Стоном там или предложением заткнуться. Иногда

в сторону прихожей летел какой-нибудь предмет. Могла быть подушка, годилась иногда и тапка. Однажды вылетел детский пластиковый стульчик. Это когда Зойка впервые напилась после того, как у нее забрали Сашеньку.

Сегодня ничего не летело. И Зойка подозрительно тихо себя вела.

— Заяц! — возмутилась Светлана, рассовывая по полкам холодильника молоко, масло, сыр, отбивные. — Чего притихла-то? Я к ней со всей душой, понимаешь! С душой и с хавкой, а она молчит... Я, между прочим, сегодня пожертвовала свиданием! Да-да, не ухмыляйся там в подушку. Настоящим свиданием!!!

Свидание запросто могло бы состояться, если бы Светлана несколько серьезнее относилась к своему соседу Гарику и уважительнее ко всему мужскому полу. У нее не выходило ни того, ни другого.

Гарика она знала уже почти семь лет. Ровно столько они жили в квартирах напротив. Светлана купила там жилье после получения наследства, Гарик жил там всегда. Сначала с родителями. Потом, когда они съехали за город, один. Света с Гариком здоровались, шутили при встречах, болтали во дворе, очищая свои машины от снега. Выходили на ежегодную уборку территории, организованную пенсионерами, которые наотрез отказывались надеяться на дворников. Он часто помогал ей дотащить сумки до двери. Иногда жаловался на своих де-

вущек. Иногда нахваливал. Захаживал в гости посмотреть телик, кофейку попить. Не обижался, когда она его выставляла. Одним словом, они неплохо соседствовали, необязательно и необременительно дружили. Ну какие тут могут быть свидания! Да еще в ресторане! Да еще где играют джаз! Это же все очень романтично, это все потом настраивает на продолжение. Либо за его, либо за ее дверь. А как она могла, если Гарик просто приятель!

Она и посмеялась ему в лицо сегодня. А он обиделся и так шарахнул своей железной дверью, что на бетонный пол вывалился хромированный ободок его дверного глазка.

— Чокнутый, — досадливо шепнула Света и показала его двери язык. И тут же, оправдываясь, добавила громко, опять же в сторону его двери: — И вообще мне некогда, у меня Зойка на руках!..

Вот гад все же Федька, а! Так отравил всем душу! Так испортил все самые наилучшие представления о том, каким должно и может быть счастье отношений между мужчиной и женщиной.

Света, конечно, не в розовом коконе жила все свои двадцать семь лет и знала, что случаются разочарования, и любовь пройти может, и новая нагрянуть. Это все бывает. И в жизни их матери тоже было. С мужем — отцом своих девочек — их мать рассталась и горевала долго, и

не верила никому, но потом-то, потом все у нее сложилось просто здорово! А все почему?

— А все потому, что ваш папаша, хоть и был отъявленным мерзавцем, — поясняла им мать еще подросткам, наряжаясь к венцу с дядей Колей, — гадил он только в одном направлении! Он фанатично был предан карточному столу, сволочь такая! Ему не нужны были бабы! Не нужна была бутылка или наркотики. Он был азартен до противного. Но... но, как видим, и эту свою пагубную страсть он сумел обратить нам всем во благо. Да земля ему будет пухом... — и перефразируя классика, мать добавляла: — Запомните, в человеке не может быть все отвратительным!

В Федьке отвратительным было все! Все, кроме внешности. Тут, конечно, небеса даже перестарались, на Светланин взгляд. Нельзя было создавать такой совершенной внешности при такой мерзкой, подлой душе. Они же теперь с Зойкой вообще ни одному мужику верить не способны. Вообще!!! И если Светлана, защищаясь, обложила себя прочной броней из здорового цинизма, идущего рука об руку с сарказмом, то Зойка сдулась как-то уж совершенно безвозвратно. Она перестала следить за собой. Перестала заниматься своим бизнесом. А у нее имелся прекрасный косметический салон в центре города. Стала выпивать все чаще и чаще. А теперь вот еще перестала и разговаривать.

Светлана с силой хлопнула дверцей холодильника. Поставила чайник на огонь, специально налив в него ровно половину, чтобы он принялся оглушительно свистеть уже через пару минут, чего сестра не выносила. И пошла в комнаты искать ее.

— Зойка... Ты где?

Светлана включила свет в гостиной. Было чисто и пусто. В том смысле, что Зойки там не было. В гостевой спальне, раньше служившей Феденьке кабинетом, хотя ничем, кроме сидения в Сети и глупой переписки с бывшими одноклассниками, он не занимался, сестры тоже не было. Но тоже порадовал порядок. Вчера здесь кучей на столе валялись бумаги, журналы и какие-то счета. В спальне, бывшей когда-то супружеской, кровать была застелена. Но домашнего шелкового халата, который сестра всегда бросала на покрывало, когда уходила куда-нибудь, на привычном месте не было. Подол халата почему-то торчал из-за угла шкафа, где в стену еще Федькой был вбит громадный крюк для боксерской груши. Зачем ему нужно было так неудобно ее вешать, оставалось загадкой для Светланы до сих пор. Он и не ударил-то по ней ни разу. А повесил для чего, непонятно.

А еще торчали Зойкины коленки, неестественно согнутые и выставленные вперед так, как будто бы она готовилась к прыжку из ниши за шкафом. И еще торчали ее руки, безвольно